

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Русские говоры Бурятии мало изучены. Имеются лишь отдельные исследования¹. Между тем русскоязычное старожильческое население здесь представлено несколькими исторически сложившимися социально-этнографическими группами: потомками первых насельников края — казаков, старожильческим крестьянским населением, семейскими (забайкальскими старообрядцами) и так называемыми карымами — то есть обрусевшими аборигенами, постепенно забывшими родной язык и перешедшими на русскую речь.

Наличие подобных этнографических групп — явление, характерное в целом для Сибири. «В процессе трехвекового заселения... в ней сложилось в принципе на единой этнической основе русское старожильческое население, среди которого существовали узкие этнографические группы (в силу территориальной обособленности или социально-религиозной замкнутости), длительное время сохранявшие элементы культуры в неизменном виде»².

Русские старожильческие говоры Бурятии, как и вообще сибирские, — говоры территорий поздних заселений. Как указывает Л. И. Баранникова, «одной из характерных особенностей территорий позднего заселения оказывается наличие на них в тесном контакте говоров разного типа в соседстве с разными языками». Междialeктное и межязыковое контактирование приводит «к развитию фактов языковой и диалектной интерференции»³. Формирование и развитие изученных сибирских говоров подтверждает эти положения. Северновеликорусские в своей исторической основе старожильческие говоры Сибири не только

влиятельны на южно- и средневеликорусские говоры поздних поселенцев, но и сами в той или иной мере испытали влияние последних, а также и некоторое влияние местного нерусского населения. Так, рассматривая проблему развития аканья в окающих сибирских говорах, Н. А. Цомакион отмечает, что в одних случаях «окающие говоры старожилов развили аканье под влиянием близкого и длительного соседства с акающими говорами более поздних поселенцев»⁴, в других — под воздействием языка иной системы. Таковы говоры среднего Причунья Иркутской области, описанные В. Ф. Ивановой. «... Здесь на формирование говора оказала влияние система эвенкийского (акающего) говора, сказавшаяся и в ряде особенностей консонантизма и лексики»⁵, — пишет далее Н. А. Цомакион.

За последние годы сибирскими диалектологами (В. А. Сенкевичем, В. В. Палагиной, П. Н. Немировой, В. И. Пановым, К. М. Браславцем, В. В. Алехиной, М. А. Романовой, О. А. Любимовой и др.) описано значительное количество старожильческих говоров, отражающих разные степени перехода от окающего вокализма к акающему, а также северновеликорусских в своей основе акающих говоров. Эти работы выдвинули в качестве одной из актуальных проблем сибирской диалектологии — проблему образования акающих говоров средневеликорусского типа. Процесс перехода от окающего вокализма к акающему в сибирских старожильческих говорах по сравнению с средневеликорусскими европейскими говорами представляет тем больший интерес, что он происходил в другое время и при других условиях.

Частью этой большой проблемы является проблема формирования «акающих» русских старожильческих говоров Бурятии, специфика которых заключается в том, что это — говоры территорий еще более поздних заселений по сравнению, например, с Западной Сибирью. Сравнительно более позднее заселение данного региона объясняется, во-первых, большой его отдаленностью, во-вторых, тем, что это порубежный район: долгое время «за Байкалом сохранялось еще весьма неустойчивое положение, не гарантировавшее земледельцу и ремесленнику условий полной безопасности, нормальной хозяйственной деятельности»⁶. Вопрос о заселении, расселении и этапах сложения русского старожильческого населения Забайкалья разработан недостаточно. Изучение русских говоров этого региона, вероятно, в какой-то степени может помочь решению вопросов исторического порядка, так как очевидно, что проблема формирования забайкальских русских говоров потребует решения не только лингвистических, но и историко-этнографических задач. «В работе над

говорами новой формации, — подчеркивает Г. А. Турбин, — большая роль должна принадлежать истории этнических групп»⁷.

Как уже отмечалось, старожильческое русское население Бурятии представлено несколькими исторически сложившимися социально-этнографическими группами. Из истории Забайкалья известно, что первыми насельниками края были енисейские казаки⁸. «Особенностью первоначального освоения Забайкалья было преобладание не крестьянской, а военно-служилой (казачьей) колонизации»⁹.

В XVIII веке численность забайкальского крестьянства значительно увеличилась за счет переселения из бывших Могилевской и Черниговской губерний (Ветки и Стародуба) старообрядцев, получивших в Забайкалье местное название «семейские».

В сложении русского населения Бурятии, а также в языковом общении между русскими и бурятами известную роль сыграли карымы (или как их еще часто называли, ясачные). Эта группа населения возникла во второй половине XVII века на почве семейно-бытового сближения русских и, в основном, крещеных аборигенов края. Один из известных сибиреведов прошлого века Н. М. Ядринцев в своей работе «Сибирь как колония» писал: «Самое характеристическое явление в этнографической организации восточно-сибирского населения представляют так называемые «ясачные». Это крещеные буряты, женившиеся на русских женщинах»¹⁰. «Все чаще и чаще русские женятся на крещеных бурятках... и поколения их опять сливаются с русским населением»¹¹. Таким образом, русское население Забайкалья с определенного времени уже увеличивалось не столько за счет переселенцев из разных мест России и Сибири, сколько за счет обрусения местного населения¹².

На основании историко-этнографических условий сложения забайкальского русского старожильческого населения и с учетом того, что «в XVII—XVIII вв. сибирские старожилы образовались преимущественно на основе северо- и лишь отчасти, среднерусского населения»¹³, можно заключить, что первое постоянное русское население Забайкалья, в том числе Бурятии, было по своему происхождению севернорусское. С середины XVII века, особенно после проведения Московского тракта, ставшего основной дорогой в Сибирь, усиливается заселение Забайкалья непосредственно из Европейской России средне- и южнорусами¹⁴.

Справедливо утверждение Н. А. Цомакион: «...длительное совместное существование на сибирской территории различных

говоров северного наречия привело к тому, что возник некий средний тип говора, своего рода севернорусское койне»¹⁵. Поэтому не исключено, что первые насельники Забайкалья пришли уже с таким сложившимся в Западной Сибири «севернорусским койне».

По имеющимся предварительным данным, старожильческие русские говоры Бурятии (кроме говоров семейских), в основных своих чертах близки к средневеликорусским, что позволяет предположить несколько путей их формирования:

1) на севернорусской основе (или на основе возникшего севернорусского койне) под влиянием южно- и (в основном) средневеликорусских говоров более поздних поселенцев выработался тип говоров, близких к средневеликорусским;

2) в результате междиалектного взаимодействия на территории Бурятии произошла утрата ряда специфических черт взаимодействующих диалектов и образовалось близкое к средневеликорусским говорам «забайкальское койне»;

3) ввиду слабой заселенности Забайкалья до середины XVII века переселенческие волны из среднерусской полосы во второй половине — конце XVIII в. ассимилировали в языковом отношении первых насельников края (севернорусов). В таком случае старожильческими будут уже считаться не севернорусские в своей основе говоры потомков первых жителей Забайкалья, а диалект более поздних поселенцев — среднерусов.

Говоры постоянного населения Бурятии, севернорусские по своему характеру, оставили заметные черты: смычное образование заднепечной фонемы [г] и ее чередование с [к] в конце слова, утрата интервокального «йота» и последующее стяжение гласных в глагольных формах и в формах прилагательных, утрата [т] в конечном сочетании [сг], наличие долгих твердых шипящих, употребление глагольных форм 3 л. ед. и мн. числа с твердым [т], наличие постпозитивных частиц -то, -та и другие. Лексика старожильческих говоров также в основном севернорусская.

Среди русских говоров Забайкалья выделяются говоры семейских. По мнению ряда исследователей (А. М. Селищева, П. Ф. Калашникова, В. А. Бельковой, В. И. Копыловой, Е. И. Тынтуевой), говор забайкальских старообрядцев — южновеликорусский. Развивавшийся в условиях инодиалектного и иноязычного окружения, он испытал влияние со стороны окружающих старожильческих говоров, а в области лексики — и бурятского языка. П. Ф. Калашников на основании наблюдений над говорами

старообрядцев, проживающих на территории БурАССР, отмечает, что «современные семейские говоры неоднородны. Условно делим их на 2 группы: а) говоры с хорошо сохранившимися архаическими южнорусскими чертами, б) говоры южнорусские со значительным среднерусским наслоением»¹⁶.

Итак, на основании высказанных замечаний о русских старожильческих говорах Бурятии и историко-этнографических условиях их формирования можно сделать следующие выводы.

1. Русские старожильческие говоры на территории Бурятии, оторвавшись от материнских говоров, в течение длительного времени развивались в результате взаимодействия диалектов разного типа и в условиях иноязычного окружения.

2. Эти говоры (кроме группы южновеликорусских семейских говоров) близки, но не тождественны европейским средне-великорусским говорам, так как развивались в специфических историко-этнографических условиях и имели различное исходное соотношение северо-, южно- и средневеликорусских черт.

3. На территории Бурятии — территории более поздних заселений — действовали местные тенденции языкового развития, отразившие специфику местных диалектных систем, которые представляют собой новообразования, возникшие в результате междиалектного и межязыкового взаимодействия. Выяснение этих тенденций, изучение фактов диалектной и языковой интерференции и т. д., другими словами, решение проблемы формирования русских говоров Бурятии, будет иметь значение не только для ряда проблем развития говоров на территориях поздних заселений, но окажется «весьма перспективным в теоретическом отношении (теория языковых контактов, соотношение внутреннего и внешнего в развитии языка и т. д.)»¹⁷.

4. Особый интерес представляют факты диалектной и языковой интерференции в говорах карымов, бывших сначала двуязычными, а затем постепенно утратившими свой родной язык и перешедшими на русский с последующим полным слиянием с русским населением. Следствием межязыковых контактов в говоре карымов, как и в говорах других групп русского населения Бурятии (в говоре первых особенно), являются заимствования из бурятского языка. Изучение явлений фонетической адаптации, субституции звуков, изменений морфологии слова, лексических значений, происходящих при заимствовании, будет иметь значение для выявления закономерностей межязыкового контактирования. Значительный интерес представляет в говоре карымов и один из частных случаев языковой интерференции — субстрат.

Как подчеркивает А. И. Федоров, «общая задача — последовательно описать диалектные явления русских говоров Сибири — не снята и в наше время, хотя сейчас ее надо решать (и частично она уже решается) с учетом достижений современного общего языкознания»¹⁸.

¹См., например, кандидатские диссертации: К. А. Молодых. Бытовая лексика говора русского старожильского населения Тункинского р-на БурАССР. Иркутск, 1968; Ю. И. Кашевская. Оценочные субстантивные и адъективные наименования лиц в говоре с. Кабанск. Томск, 1971; Е. И. Тынтуева. Бытовая лексика говора «семейских» Забайкалья. Л., 1974.

²«Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири». М., «Наука», 1974, с. 4.

³Л. И. Бараникова. К проблеме изучения и формирования языков и диалектов на территории позднего заселения. — «Вопр. славянского языкознания». Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1968, с. 43.

⁴Н. А. Цомакион. Русские старожильские говоры Сибири. — «Мат-лы и исслед. по рус. лексикологии и сиб. диалектологии». Красноярск, 1971, с. 69.

⁵Н. А. Цомакион. Указ. соч., с. 70.

⁶См.: Л. В. Машанова. Хозяйственное освоение Забайкалья в конце XVII — начале XVIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1974, с. 1; Г. А. Леонтьева. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII — I четверти XVIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1972.

⁷Г. А. Турбин. Русские говоры южного Урала. Автореф. докт. дисс. М., 1973, с. 4.

⁸См.: И. П. Золотухин. Завоевание русскими Забайкалья. Владивосток, 1909, с. 6—9; В. Гирченко. Краткий очерк истории Прибайкалья. Верхнеудинск, 1927, с. 1—2.

⁹См.: Л. В. Машанова. Указ. соч., с. 18.

¹⁰Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1882, с. 17.

¹¹Там же, с. 23.

¹²См.: М. А. Романова. К вопросу формирования сибирских говоров. Автореф. канд. дисс. М., 1967.

¹³«Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири». М., «Наука», 1974, с. 15.

¹⁴См.: А. Д. Григорьев. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. «Изв. Ин-та исследования Сибири». Томск, 1921; В. В. Шунков. Очерки истории колонизации Сибири в XVII—XVIII вв. М.-Л., 1946 и др.

¹⁵Н. А. Цомакион. Указ. соч., с. 68.

¹⁶П. Ф. Калашников. К изучению говора семейских. — «Тр. кафедр рус. яз. вузов Вост. Сибири и Дальнего Востока», вып. IV. Улан-Удэ, 1966, с. 36.

¹⁷А. Б. Пенниковский. К проблеме смешанных и переходных говоров. — «Уч. зап. Владимир. гос. пед. ин-та». Владимир, вып. 2, 1969.

¹⁸А. И. Федоров. Проблема изучения русских говоров Сибири. — «Изв. Сиб. отд. АН СССР», вып. 1. Новосибирск, 1968, № 1, с. 96.